

Часть 1. Духовная

Глава 1. ПРИЗЫВ

В 1986 году, почему-то случилось так, что в Армию решили забрать всех.

Призыв был уже окончен, когда нас – тех, у кого была нестроевая служба, согласно медицинским заключениям, мило пригласили в военкоматы, под предлогом выдачи военных билетов, как их тогда называли «белых».

Так, в самом конце июня на Краевом призывном, в непосредственной близости к железнодорожному вокзалу, оказалась довольно-таки приличная, по количеству добровольно явившихся призывников, команда.

Целью специальной медицинской комиссии было убедить нас в добровольном желании отслужить в комфортных, по словам медиков, условиях и не создавать себе проблем ограничения дееспособности в будущем.

Так как мои проблемы со здоровьем, помимо сердечнососудистой системы, уходили глубоко в кору головного мозга, то вместо

развеселого кардиолога, рисовавшего картину полного отсутствия физических и эмоциональных нагрузок в войсках для парней с «годен к нестроевой ...» в военном билете, мне пришлось общаться с самым настоящим советским врачом психиатром.

В этом году я окончил второй курс ФКПИ завода-ВТУЗа при Красмашзаводе. Вторым и четвертым курсами этого непростого учебного заведения славятся тем, что они являются рабочими. Т.е. если мы работали на заводе в первую смену, то учились вечером и наоборот, отучившись утром, мы выходили во вторую смену. Работали на полном серьезе на рабочих специальностях полный рабочий день за настоящую заработную плату. Так же Красмашзавод известен во всем мире как режимный объект, и каждому абитуриенту, сразу после поступления, в личное дело ставился литер в форме шахматного коня, означающий начальную степень секретного допуска.

Мы по праву гордились цифровыми обозначениями наших специальностей, а к середине восьмидесятых еще и появились легальные названия таких специальностей, как «Проектирование и производство летательных аппаратов» или 09 как мы себя не без пафоса называли.

На первомайской демонстрации в нашем потоке, идущем в плотной колонне, случился неприятный инцидент с чрезмерным употреблением крепких напитков некоторыми нашими одноклассниками. Поэтому, когда после праздников меня как старосту группы вызвали в партком факультета, я волновался избыточно. После посещения парткома, я волновался еще больше, потому что вместо вопроса о демонстрации мне было предложено пополнить ряды Коммунистической партии Советского Союза. Так, перед самой службой, я стал кандидатом в КПСС. А служба была неизбежна по идеологическим соображениям.

Психиатр, женщина возраста моей матери, очень популярно объяснила мне, что если комиссионно подтвердить мой страшный диагноз, то недоразумение с моим членством в партии, владением охотничьим оружием, водительскими правами и вообще возможностью обучения в оборонном ВУЗе, необходимо будет раз и навсегда исправить. И что материнский ее совет – сходить отсидеться где-нибудь в штабе оставшийся срок, менее двух лет, и не портить себе жизнь молодым упрямством.

Я так и сделал. Подписал какую-то хрень, мол, сам хочу вопреки всему.

– Дурак! – сказал начальник Производственного отдела, Зарем Александрович.

– Подумаешь! – подумал я, слегка смутившись. А уже через сутки вспоминал его слова как пророческие. Точно Дурак! Зачем мы были нужны Советской Армии, я так и не понял до сих пор.

Всю нашу призывную делегацию неполноценных привезли сначала в Читу. Разместили в Брежневском полку – Учебка такая. Через плац от Брежневского стоял Ленинский полк, видимо издеваясь уже тогда над Идеей и тем, что из нее получилось – это было земля и небо.

Нас, около ста человек, «бросили» в помещение по два человека на койку. В полку не было воды. Никакой. Вообще! В бочках привозили обильно удобренную хлоркой воду. Началась дизентерия. В туалет ходили строем. Куски газет выдавали перед входом. У кого была кровь – увозили в санчасть, остальных обильно питали горстями таблеток.

Мы были не нужны Родине настолько, что нам не выдавали даже подшивной материал. Муштра заключалась лишь в долгих прогонах по плацу, долготоянию на улице и полосе препятствий. Стирать, гладить, мыть посуду было нереально. Персональный котелок освежался после завтрака обедом, затем ужином и опять завтраком. Во мне кипело г...! В прямом и переносном смысле! Я молодой, почти коммунист, готовый порвать за советские идеалы любую идеологию мира... Я оказался по ту сторону реальной жизни.

Как-то ко мне подошел капитан. Зачуханный, уставший военный. Видно было по глазам, что алкоголь спасал его от происходящего вокруг. Представился парторгом полка... попросил зайти, встать на учет. Он мне тогда сказал: «На два года, солдат, зажмурься и забудь! Два года пройдут, и все закончится. Будешь залупаться, посмотри на меня» – он стоял помятый, с мешками под глазами, не старый еще совсем советский офицер, в не глаженной форме, на дежурстве. В семье, наверное, совсем никак. Чмошный, жалкий товарищ капитан... – «Здесь правды не найдешь! Смотри, чтоб не убили. Ничего святого нет. Домой вернешься, будешь жить. Просто забудь, что ты коммунист или человек. Пригнись и не вылазь».

Мы стояли под сосной недалеко от штаба. Я был ошарашен услышанным. Я думал, что может быть, кто то не знает, что все так плохо? Я думал, что эта маленькая тюрьма – странное стечение обстоятельств. И это еще нас не били. Нас было слишком много.

Каждый день в полк приезжали «покупатели». Они осматривали строй неликвидного личного состава и задавали один и тот же вопрос: «Водители, бульдозеристы, экскаваторщики, трактористы – есть? Мой товарищ (сдружился еще на призывном), убедил меня назваться бульдозеристом. Рассказал мне про рычаги и фрикционы, сказал, что получим бульдозер, и служба медом покажется. У него был врожденный порок сердца. Мы раз за разом выходили из строя и вставали назад. С таким диагнозом трупы про запас никто не брал.

Через неделю пребывания нас зачем-то отправили на танковую директрису вместе с курсантами. Курсанты отличались от нас белыми воротничками, начищенными сапогами и бритыми лицами. У меня тогда еще ничего на лице не росло, а созревшие хлопцы уже походили на реальных партизан. Только через полтора года я, прочитав повесть «Гуга», смог сравнить нас со штрафным батальоном. Курили мы исключительно окурки, выпотрошенные на газету и свернутые в самокрутку, собранные у пепельниц в солдатской курилке. Денег уже не было даже у самых экономных. Возле штаба можно было найти нормальные бэканы из-под офицеров. Те курили как есть, с фильтром сигареты, докуривая чуть больше половины. Кинг сайз!

Так вот. На директрисе было хорошо. Весь день пролежали под тенью деревьев, отсыпались, так и не поняв, зачем нас сюда выгнали вместе с курсантами, которые реально чему-то учились. Вечером, довольные, возвращались в казарму, воняющую семидневными портянками, спать, не шевелясь, боком вчетвером на спаренных солдатских кроватях, в одежде. Снимать не разрешали. Сапоги приказывали запихивать под матрац. Новые сапоги могли ночью украсть сержанты учебного подразделения МО СССР.

На следующий день обосра...сь уже курсанты. Да как! В ходе расследования выяснилось, что на директрисе находилась емкость с дождевой водой. Огромная топливная цистерна прозрачной, как слеза, воды! Наше счастье, что мы об этом не знали. Когда емкость перевернули, из воды были извлечены тела кошек и крыс, останки собаки. Как последняя попала туда?

Рукотворное дело. В общем, нас свозили в баню на грузовиках, аж на другую сторону Читы. Еще через неделю, когда в санчасти появились первые умершие, нас по тревоге вывезли на железнодорожный вокзал и отправили в Кяхту.

***

Забыл еще сказать, что на первом медосмотре в Чите, военно-медицинская комиссия, которая уже была не заинтересована в планах призыва, открыто, прямо в нашем присутствии ругала тех, кто прислал таких уродов на их ответственность. Несколько человек согласились проходить обследование с целью комиссования. Мы получили позднее известия, что они благополучно вернулись домой с «белыми» билетами.

Глава 2. КАРАНТИН

Вывезенные на железнодорожный вокзал Читы, мы расположились в сквере с правой стороны от вокзала. Прощание с Брежневским полком напоминало мне прощание с самим Леонидом Ильичом, и падающий в могилу гроб с телом Генерального секретаря не отвечал на главный вопрос: Что же будет с нами дальше?

За две недели пребывания в Армии мой мозг еще не научился абстрагироваться от прошлого и будущего и концентрироваться лишь на происходящем в настоящий момент. Или скорее – неважно то, что происходит сейчас, завтра наступит когда-нибудь.

С вокзала я отправил письмо матери и сестре моей матери, муж которой был каким-то совсем не маленьким военным, и как раз где-то неподалеку. Я, втайне от всех, и в первую очередь от самого себя, очень рассчитывал на спасительную помощь военных родственников. Я уже четко осознавал, что попал, наверное, в самую большую беду в своей жизни. И что мое прежнее понимание «служить», где-то уже скоблится во мне предательским «выжить или бежать». Хотя все самое интересное было еще впереди. Нас еще не били, нас было много, нас еще не унижали. Мы до сих пор были непонятным «стадом» в новенькой военной форме, небритым и не подшитым, в нечищенных сапогах, стреляющим у прохожих «закурить» и опережающих друг друга криками «Покурим!».

Вокзал Кяхты меня впечатлил! Я считал, что достаточно хорошо знал географию и историю, но о существовании города миллионеров и Великом шелковом пути я не знал ничего. Разоренный моими соратниками по партии город и вокзал не был похож ни на один город Советского Союза. Я бывал в Ленинграде, городе который меня поразили и глубоко зашел мне в душу, но думал ли, что здесь, на краю Земли, далеко-далеко от всех и вся есть город бандитов, семеновцев, колчаковцев, прочих лихих родственников и сподвижников лихих людей? Золотой вокзал с каменными мозаичными полами и росписью по стенам и потолку в зале ожидания?

Я вспомнил, как был поражен обычной столовой в санатории ВЦСПС Украины, куда я случайно попал из сибирской серости и убогости домашнего быта в новый год, перед окончанием средней школы. Стараниями матери, по добытой правдами-неправдами путевке я оказался на родине генсека Андропова и в Новый 1984 год орал с бывшего барского балкона в сторону Грязелечебницы имени Семашко: «Да здравствует Юрий Владимирович Андропов, верный ленинец, Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза! Ур-р-рА!» – вместе с такими же как и я, пьяными украинцами. Тогда же был первый мой шок, я понял, что не все наши граждане умеют в этой стране разговаривать на русском. Даже украинцы.

На самой границе с дружественной Монголией располагалась воинская часть, состоящая главным образом из старинных зданий кирпичных царских казарм. Мы были определены в новое железобетонное здание самоходного дивизиона. Для нас начался самый настоящий армейский карантин. Служащие встретили нас зло. И я не мог понять ту ненависть, с которой обычные советские солдаты и сержанты, чисто по-зоновски, похотливо-задорно, цыкали в нашу сторону, видя в нас не сослуживцев, а свежее мясо, поступившее на прилавок судьбы.

Первым делом, я, тайно надеясь на какое либо спасение от животного страха молодого солдата, «духа» – по армейским понятиям, первым делом отправился в партком батальона. Метров 250-300 от здания казармы показались детским походом в магазин с деньгами в чужом районе. Я дважды получил в лоб от притягивающих меня за ремень к себе бойцов Красной Армии, которых помимо меня, боялся и весь остальной мир. Хулиганское сплевывание сквозь шелку зубов и вопрос: «Э-

э, военный, откуда?» – «Красноярск...» – «С Казани кто есть?» – «Не знаю, я в штаб иду...» – «Ты седня ночью на ...й ко мне пойдешь! Вешайся, сука!» Это было как уставная фраза. Все говорили ее одинаковыми голосами и интонацией, может, чуть перевирая акценты. Менялись только города. Я все-таки дошел до штаба, где тут же «раскрутился» за внешний вид от какого-то офицера. Встав на партийный учет и получив содержательный уже разговор о внешнем виде с парторгом дивизиона, я бегом возвращался назад. Я четко понимал – с человеком, идущим в штаб, ничего не может случиться. С человеком идущим со штаба – может случиться все, что угодно.

Нас было много. Поднимали по одному, отводили в гладильную комнату. Били в грудь. Спрашивали: «Понял? Иди!». Среди нас был хакас из красноярского политеха. Уже не помню, что там у него болело, но здоровый был как лось, красивый, большой парняга. Просто супер-хакас! Когда с краев выдергивания начались, он встал, Миша его звали.

– Вы че как бараны? Читу забыли, что ли? Одного поднимают – все встают!

Встало человек 12. Не буду врать, вставать не хотелось. Хотелось провалиться в смертельный сон, чтобы без нервов, боли и позора – в никуда. Проснуться и не видеть больше этот затянувшийся кошмарный сон. Не хотелось ни бодаться, ни связываться, ни бояться, ни драться. Хотелось одного – хотелось домой!

Встали, сгрудились в кучу. «Пид...ры типа спят!» – огрызнулся кто-то. Казарма сопела и изображала сон. Включился свет. Кто-то крикнул на лестницу: «Духи залуп...сь!», по лестнице зацокали звуки подков. Сердце выпрыгивало из груди. Дыхание стало невыносимо жарким. Кожа на лице стала чужой. Нижняя губа онемела и перестала закрываться. Ну, и где твоя борьба? Где твой бокс? Животный страх мешал быть героем. Напротив собралось человек семь сержантов.

– Вы чё, духи, совсем о...ели?! Ну-ка, отбой!

Стоим.

– Всем отбой, я сказал! – командовал самый страшный, но не старший, в расстегнутом ниже груди хэ-бэ, с белоснежным, толстым и высоким подворотничком.

– Вы двое, в коптерку!, – выбор выпал на меня и на Мишу. – Кому сказал! Не ссать! Ниче не будет! В коптерку сказал!

Мы пошли в коптерку. Если честно, ждал удар пыром от кирзака, но сжалась задница самопроизвольно, зря сжалась, на этот раз пронесло. Пронесло. Миша сразу получил по морде, ответить не смог, успели задавить «базаром». Главная претензия была в том, что нам по статусу не положено противиться всему происходящему. Без кулаков и через связную речь, нам стало понятно, что сопротивление бесполезно.

Со мной разговор был отдельный. Коммунист в казарме – это «пальва». Я еще бежал до казармы из штаба, а армейский телефон с крутильником уже разносил весть о том, что в казарме «пальва». Партбилет давал очень большие возможности для солдата, но я волновался, боялся, прятал такие варианты в себе, топил их, поджимал хвост. Я не хотел бескомпромиссной и жесткой борьбы, согласился я тогда со спивающимся замполитом Брежневского учебного танкового полка.

На теоретических занятиях боевой подготовки интересно было узнать, что «живучесть» нашего самоходного дивизиона в военное время составляет 20-30 минут. Боевая задача заключалась в том, что по тревоге, необходимо было выдвинуться в глубь монгольских степей, развернуть технику в особом порядке и, в лучшем случае, успеть немного пострелять. Следом погибали танки, далее было неважно. Китайская военная угроза не отвлекала нас от желания поесть и убить всех военных вокруг себя. Всех. Но жизнь в казарме, страх перед стоящими по обе стороны от плаца, тюремного вида, царскими казематами реальных войск, за глубокими, зарешеченными окнами которых творились страшные преступления, и слухи о самоубийствах молодых солдат, доходившие до нас, висели их душами над красными металлическими крышами красивых и мрачных старинных зданий.

Видимо традиционно для советской армии, в любой части всегда был только что переехавший к новому месту службы офицер, которому в квартире надо было делать ремонт. Из всех неумех и бездельников самым надежным, кому можно доверить ключи и охотливых соседок по военному городку, понятно, был коммунист. И бригада из четырех человек около десяти дней делала вид, что умеет делать ремонт в квартире командира роты. Что там меня поразило, так это то, с какой ненавистью был построен солдатами офицерский, жилой, многоквартирный дом. Как были поклеены обои, совершенно новые недорогие, а у меня дома и таких не

было, обои перед наклейкой сознательно пропечатывались грязными солдатскими сапогами, и эти бесконечные следы шли по всем стенам к потолку и навстречу. Оконные рамы, сделанные руками солдатских столяров, говорили: «Живи как в ...опе, товарищ командир!»

Через десять дней, поняв, что русские не умеют делать ремонт, нас заменили на армян из другой части. Мы вернулись на плац и через совсем короткое время принимали обязательную торжественную присягу. Мы впервые были одеты в новую парадную форму, и нам были выданы, два на всех, длинные автоматы АК-74. Самоходчикам были положены АКС, со складным прикладом, но вписанное в чужие военные билеты боевое оружие нам решили не давать и, как и положено неполноценным, нам доверили два макета боевого оружия из учебного класса, которые мы торжественно передавали друг другу перед страшной клятвой Родине, которая нас так бессовестно предала...

Уж и не знаю почему, но мне, хорошо помню это ощущение, казалось, что моя мама очень хочет видеть, как ее сын будет принимать Присягу. Я прямо чувствовал, что она готова приехать, и я не успел ей об этом сообщить. И казалось так не мне одному. К некоторым новобранцам на присягу приехали родственники, привезли малых детей. Как хорошо, что моей мамы не было. Письмо запоздало или не захотела, или просто в целях экономии, мы всю жизнь сэкономили – она не приехала. А те, кто приехали – увидели «Служу Советскому Союзу» в живом варианте, не дай бог видеть такое кому либо из родных и близких. Не новобранцы, а самые настоящие «ЗК» опадали с кроватей под крики и матерные погонялки сержантского состава, сумбурно одеваясь, выбегали на улицу. Осунувшиеся, исхудавшие, с разбитыми лицами, молодоговардейцы строились на плацу.

После не вызывающей никаких патриотических чувств церемонии всем был дан отдых до вечерней поверки. И тем, к кому приехали родные, пошли гулять по старинному городку, где не было никаких развлечений и даже возможности просто покушать. А большинство, с мрачными мыслями о вечернем распределении по царским казармам, остались бездельничать в расположении части.

Глава 3. ПОЛИГОН

Не так страшен черт, как его малюют. На подкошенных ногах мы расходились перед вечерней поверкой по своим новым казармам. Как и бывает часто в жизни, офицерская жеребьевка раскидала по разным подразделениям уже сложившиеся дружеские отношения и симпатии. Я уже и не помню, с кем я отправился в направлении старой царской казармы справа от плаца, именно с теми, с кем не просто не общался прежде, а и вообще был мало знаком. Понурые, мы брели в сопровождении понтовитого нерусского сержанта к месту новой службы. Перед крыльцом нам разрешили перекурить. Сигареты были еще от добрых родителей наших товарищей. Какое это было счастье, выкурить целую сигарету, без «покурим», «дай добыю» и «оставь». «Перед смертью не накуришься» – мы, ежась от неопределенности, вошли в серое и прохладное почти музейное здание, стены которого хранили в себе тайны и память прошлых веков.

К нашей большой радости, личного состава почти не было. Оказывается, начались учения и все выехали на полигон. А нам, как выяснилось, предстоит служить не здесь, а на самом полигоне, в роте обслуживания. Никто даже грубого слова не сказал. Лишь замечание сделали, что сапоги должны блестеть, бляхи на ремнях и подшива белая должна быть, «Как мои зубы», – сказал нерусский сержант и оскалил свой фиксатый, желто-коричневый, прокуренный рот.

Быстро управившись с простыми гигиеническими процедурами, отметив про себя, что никто не заставил драить очки, застав меня в туалете, я вышел из казармы и уселся на лавочку покурить перед сном. Наступала прекрасная бурятская летняя ночь. Меня охватила уверенность в том, что не так уж и плохо все. Это были ужасы первого месяца ломки привычного уклада, когда мы привыкли качать права, упираться, выпендриваться, понимая это как – уважать себя. Здесь все было проще. Косяк – по роже, чуть не так – упал-отжался. И некому пожаловаться, невозможно спрятаться и невозможно избежать. – Но ведь, вот сейчас все спокойно, душевно, – думал я, – старые уже несколько раз мимо прошли и никто не дернул и не предъявил... Чуть позже я понял, что спокойствию нашему виной был именно я. То, что непонятный пока коммунист придет в эту казарму, местным сообщили сразу,

когда стало ясно. Но это уже было неважно, я готов был к спокойному сну...

В четыре часа утра нас подняла тревога. Оделся за тридцать секунд и, еще не проснувшись, вылетел из казармы. Перед крыльцом, в дымке выхлопных газов, стоял бортовой ЗиЛ-131. Заскочил в кузов. Закурил. Очень быстро уселись все. Что-то загрузили, опять уселись, поехали. Утренняя прохлада не обманывала приближение жаркого дня. Ехали никак не меньше часа. Степь и холмы. Степная дорога пылила песком за кузовом, колона растягивалась на километры, чтобы не хватать чужую пыль. Удавалось дремать. На сердце было необычайно легко. «Наконец-то нормальная служба, учения и труд, – вертелось в голове. – Все нехорошее позади». Наверное, так и есть...

Пунктом назначения для нас были густые кусты. Заросли какого то кустарника и, как потом стало ясно, огневой рубеж БМП. Незаметные капониры, давно уже выкопанные и замаскированные сеткой, хранили в себе четыре боевые машины пехоты. Мы получили сухой паек, (первый раз за все время – не банку каши на двоих, а по целому пайку!) и стали жадно поглощать его содержимое, сидя на травянистом песке в тени кустарника. После завтрака для нас начались учения.

Я опять отметил, что от здравого смысла в Армии необходимо улыбнуться и отдохнуть. Мы около трех часов на корточках изображали себя едущими в десанте БМП. По команде «К бою!», первый, по Станиславскому, открывал символическую дверь «десанта». И мы кувыркались, выпрыгивая из представляемой машины, разбегались в «цепь». По команде «По машинам!», мы собирались, выстраивались друг за другом и, не переставая двигаться, открывали мнимые двери «десанта», один за другим, садились на корточки – «ехать» на войну дальше. Помню, как меня начали раздражать появившиеся среди нас жалобы на усталость ног и тупость происходящего. Когда на перекуре рассуждения приобрели форму митинга, я внезапно зло высказал: «Вы что, сука, хотите, чтобы нас опять бить начали? Расслабились! Учебку забыли? Пусть лучше тупо др...чат, чем больно мочат!» Мнения по поводу моего высказывания разделились, но в однородной среде меня это мало интересовало...

Внезапно, поднимая песочную пыль, на полянку влетела настоящая Боевая Машина Пехоты. Лица молодых солдат повеселели. Видимо, наши «корточки» кончились, сейчас

покатаемся. Построившись в колонну по двое, первые уже по настоящему отворили двери гостеприимного десанта. Мы радостно влетели внутрь и расселись на жестких лавках перегородженного продольной защитой двигателя десантного отсека. Захлопнув двери, и ощутив эффект духовки в раскаленном июльским солнцем корпусе машины, ехидно улыбаясь, мы расслабились в предчувствии настоящего военного путешествия. И вот тут началось! Водитель дал полного газа, понимая состояние расслабленных «духов» в десантном отделении. Машина, встав на дыбы, стрелой рванула вперед. Громокая друг о друга костями, как селедки в банке, мы сплющились в районе крепко закрытых дверей. Резкий, как газ, тормоз – и мы уже летим по направлению движения, собираясь в узком проходе отсека стрелка-радиста, оцетинившегося каруселью небольших красноголовых снарядов. Опять газ! И понеслась – прыжок, нырок, тормоз, газ, поворот. Я уперся на четыре кости. С незащищенной головой, вжатой и наклоненной шеей, отталкиваясь, что есть сил, от стального потолка обеими руками, чтобы прижать задницу, как можно плотнее, к скользкой лавке. Упираясь ногами, одной в пол, другой в борт, за первые минуты «счастливого пути» я потратил все свои силы. Кружащаяся от перенапряжения и жары голова медленно начинала приходить в ужас, что если я хоть на миг потеряю контроль над мышцами – конец будет жестокий. Мое любимое, пусть и худое, невыразительное тело превратится в зажаренный в духовке люля-кебаб, оббитый о броню советской боевой техники, одной из лучших боевых машин военного мира.

Я думал, прошел час, на самом деле, не более пяти минут – я вспомнил свою первую смену на компрессорном конвейере завода холодильников. На подходе к конвейеру его скорость казалась настолько размеренной, а работа рабочих спокойной, скучной и нудной, что, заняв рабочее место, я был ошеломлен его стремительным бегом на меня. Я, задыхаясь, хватал подлетающий ко мне с бешеной скоростью компрессор весом порядка десяти килограммов и разворотом тела пытался попасть отверстиями установочной площадки на два крюка. Есть! Поворачиваюсь – а-а-а! Следующий уже готовится падать. В правой руке шершавая лопатка, которой мне надо успеть забить несколько алюминиевых клиньев в резиновые пробки заглушек и опять успеть повесить компрессор на стапель, сняв его с конвейерного стола. Бригадир отключает конвейер и, уже приподнявшийся на самом краю стола

горячий корпус холодильного компрессора оказывается в моих руках. Забиваю, снимаю, вешаю. Конвейер снова начинает свое движение. Через несколько часов он уже едва успевает за мной. Сноровка великое дело.

Очнувшись от воспоминаний, начинаю расслаблять затекшие руки и ноги. То ли водитель успокоился, то ли дорога стала ровней, то ли я попал в такт движения снаряда. Тело вновь становится упругим и ловким. Пот ручьями течет по всему телу, промочив штаны, спину куртки, мокрая лавка ерзает подо мной. Хочется пить...

***

Сама воинская часть представляла собой одну деревянную щитовую казарму, хозяйственно-бытовое здание и небольшой технический парк. Размещалась она у одинокого, выразительного холма, маленького у подножия и необычайно высокого. Так как в Бурятии все возвышенности называются сопками, то и холм этот тоже назывался сопкой, а вот Бурятия это была или Монголия, мне до сих пор неизвестно.

Первая история, которую мы узнали, прибыв к постоянному месту службы, это то, что нарушителей порядка командир мотострелковой роты обеспечения полигона загоняет на эту сопку, и костер на ней должен гореть до утра. «Так что, Духи, готовьтесь, заготовливайте дрова, если Дедушкин костер погаснет – вам конец». Я так понял, что это самый важный момент в жизни маленькой роты на полигоне.

Так как моих земляков в роте не оказалось, встретили меня холодно, но спокойно. Сразу вызвали к командиру роты. Молодой, высокий, красивый капитан. Немец – черный, с короткой стрижкой, энергичный, спортивный. Сразу стало ясно, что главнее его, в радиусе шестидесяти километров, нет никого, включая старослужащих и блатных. А блатные в нашей стране есть везде и всегда. Какая-то тайная почта ходит вслед за ними и объясняет окружающим обстоятельства их исключительного положения. Этот феномен тогда и не разгадал, да и цели особой разгадывать не имел.

– Служить, солдат, по совести будем? Или как получится? – сразу спросил Он. Прямой мужской взгляд в глаза.

– По совести... – как-то неуверенно произнес я. То, что утратилось за первый месяц службы, видимо необходимо было восстанавливать. Короткий разговор получился. Очень. Но,

выходя от командира, человеческого во мне стало порядком больше.

– Стучать будем? – зло спросил смуглый сержант.

– Никак нет! – без запинки ответил я.

– Этот нормальный, – подтвердил казах моего призыва, радушно принятый своим землячеством и чувствующий себя в положении.

Больше дурацких вопросов и необоснованных претензий ко мне не было. Я начал втягиваться в простые условия службы на самом краешке земли. То ли еще в Бурятии, то ли уже в Монголии, на самом деле было не важно.

Шли учения. Мы обеспечивали деятельность полигона. Сами учились тоже. Правда, в последнюю очередь. Через несколько дней своего пребывания в части, на стрельбище, прибыли уже в сумерках. Скандал! Стрельбы ночные, а трассеры (пули со светящейся траекторией) не взяли и прицелы ночные тоже. Щедрость Министерства Обороны не знает границ. Стреляли в полной темноте на ощупь в сторону мигающих огнями мишеней. Видимо, я действительно хороший стрелок или везунчик, но поразил, не видя конца собственного ствола, три или четыре огневых точки противника. Когда меня утром поздравляли даже старослужащие, а мне в военный билет написали должность снайпер, я вообще готов был час просидеть на сопке и кричать «Служу Советскому Союзу!» Ребята, старше на один призыв, помогали мне разобраться, где и что взять, куда что спрятать. Приятно. И еще, после этой удачной стрельбы, советовали – когда будут распределять военные специальности, просить стрелка-радиста. Самое комфортное место в БМП.

Поставленный на танковой директрисе наблюдать за прохождением танков по эстакаде, я «не заметил» падение нашего танка. Ну не заметил и не заметил. Я ж не знал, что командир танка сам доложит об ошибке. Командир танка тоже не знал, как поступит молодой солдат-разведчик, а может, это и не так важно было, все без замечаний пройти. Ротный после моего доклада просверлил меня взглядом: «Сказал же что по совести! Или ты спал? Семьдесят второй упал с эстакады». «Не спал, товарищ капитан, не видел, как упал...» Его напоминание о совести засело еще глубже в душе. Что же, самые серьезные испытания видимо ждали впереди. Если что-то, не дай бог, случится, придется делать выбор между безопасностью и совестью или совестью и правдой.

Выбор всегда есть...

Выбирать на этом месте мне так и не пришлось. Неделю, может две, прослужил и скажу, уже привык в этой далекой компактной части. Перед обедом как раз закончили выгружать на склад машину танковых снарядов, уставшие, но довольные, мы приехали на обед. Меня сразу же вызвали к ротному. В его кабинете сидел майор из Кяхты.

– У тебя военные родственники в ставке есть?

– У меня дядя... Я не знаю где...

– Фамилия у дяди как?

– Мамаев.

– Понятно. Собирай вещи, переводись в Улан-Удэ.

Сердце забилось как-то радостно – нашли!

Глава 4. ПЕРЕВОД

Обед в тот день задерживался. Я получил все свои вещи, парадку, ботинки, шинель, укомплектовав вещмешок, выдвинулся к полковому «Зилку». Водитель, на полгода старше службой, неохотно дал мне сигарету и опять ткнулся спать на руле. Сложив вещи в кабину, я довольный прохаживался перед бампером, прикидывая свой внезапный переезд. Прозвучала команда на обед. Мои, уже бывшие сослуживцы, заторопились в столовую. И вот тут-то я понял, что радость внезапного отъезда совершенно не повлияла на kloкочущее чувство голода. Я вскочил на водительскую подножку:

– Брат, я сбегая поем?

– Мне то что, – заспанным лицом ответил водитель, – майора спрашивай! И не брат я тебе.

Я метнулся в кабинет, где последний раз видел своего сопровождающего.

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

– Едем уже...

– Я хотел попроситься поесть...

– Пусть поест. Обед выдался поздним, воду не завезли, – защитил меня бывший ротный, – да и мы с тобой немного поедим.

– Ступай, ешь! А то пока доедем, и ужина тебе уже не будет, – разрешил сопровождающий.

Я помчался в столовую. Обед был необыкновенно невкусный. Суп не проварился и, похоже, все было разбавлено сырой водой.

На второе, привычный сушеный картофель, тоже недоваренный, и лишь добавленные в него рыбные консервы были приготовлены так давно, что вовремя не привезенная вода не оказывала на них никакого влияния.

Вообще, сколько бы ни ел на первом году службы, сытости не наступает. Лишь прекращается внутренний стон голода, как бы отступает на второй план. Солдат-первогодок готов приступить к приему пищи в любой момент, когда появляется еда. Хоть через десять минут после очередного приема пищи.

Вернувшись к автомобилю, я обнаружил нашего водителя, почему-то под машиной и не спящего, а усиленно орудующего гаечным ключом.

– Помочь? – присел на корточки я.

– Нажрался – отдыхай! Я, меж прочим, тоже без обеда, да еще и на ужин опоздаем!

– Давай, я пайку организую?

– Не мешай, иди майора зови!

И тут меня вдруг пробило как молнией! Я вскочил на подножку – вещей в машине не было.

– А вещи мои где?

– В машине, где... Я их, что охранять нанимался? Ты, дух, совсем опух. Щас приедем в войска, поправим тебя мальчика...

В это время к машине подошли офицеры. Я доложил сопровождающему о хищении вещей. Начался короткий разбор. Водитель готовил машину к выезду, я – «голодный сученыш» не уберег государево, вверенное мне имущество. Ротный сказал, что у него нет раздавать. Майор сказал, что поеду как есть, только расписку еще напишу, что сам все просадил и недоглядел. Короче – нет в войсках ничего лишнего раздавать!

***

Ужином меня все-таки накормили, поскольку боец, к которому меня приставили, был очень авторитетным в части. Я тогда не понял, какой он был национальности, но ему было поручено собрать меня и доставить к позднему вечернему поезду на вокзал Кяхты. Он хорошей был национальности, и хоть комплект одежды мне собрали совершенно непотребной – б/у, так как было решено, что раз я «блатной», то в ставке меня и оденут и обуют, а вот две булки хлеба от хлебореза и несколько банок консервов – это, несомненно, богатство на которое я никак не рассчитывал.

Расписку о том, что я по недосмотру и халатности провоевал новое обмундирование с меня все же взяли. На всякий случай. Вдруг начнутся разборки, вот бумага есть, не прав солдат. Сам недоглядел. Да ладно, сам так сам.

Хорошей он был национальности! Вот что мне на всю жизнь врезалось! Подведя меня к автобусной остановке, он вдруг сказал:

– Мне надо к бабе успеть, не подведешь? Сам уедешь?

– Да, конечно, спасибо тебе за все!

– У тебя хоть деньги есть? – видимо на всякий случай спросил он.

– Нет...

– Ващце???

– Совсем...

– Они там савсэм кадэты офигели!

И он достал из кармана мятую зеленую трешку. Настоящую советскую трешку! Сержантскую трешку, может, и отобранную у таких же духов, как я, но это неважно было тогда. Он имел право мне ее не давать, вернее – он не должен был мне ее давать, он просто такой вот человек был правильный в себе, очень правильной национальности и воспитания. У меня впервые за армейские будни появились свои деньги. Да какие деньги! Половина солдатского месячного жалования. Слезы навернулись на глаза. Он повернулся и исчез. Народ, не суетясь, сидел в Пазик. В потертом хэбэ, выдавшем не первый призыв, с драным вещмешком, обернутым скруткой из обожженной утюгами шинели, я смотрел через засиженное мухами стекло, как сын кавказского народа, весело – руки в карманы, очень быстро продвигался в глубь городка. Городка, о котором ходила нехорошая слава в отношении к военным. Он ничего не боялся. Видимо, был так воспитан – не бояться. В отличие от меня.

***

Я ехал в никуда. Как я понял позже, если бы я уехал домой, то меня бы никто и не хватился. От армейских патрулей меня спасал билет кандидата в КПСС. Я преднамеренно доставал сначала его, а потом копался дальше, ища военный билет, но вопросы по внешнему виду, маршруту следования отпадали до предъявления других документов. Была в Советской стране такая книжка, которая давала большую путевку в жизнь, действительно Большую. Но шел уже 1986 год, и здание мощной системы развитого социализма начинало, тогда еще незаметно, но

неизбежно разрушаться.

Я не имел адреса, куда мне ехать. На командировочном листе стояли лишь скупые цифры воинской части. Интуитивно, в Улан-Удэ я сел в электричку до Онохоя. А там, идя вдоль шоссе, я подходил к воротам с красными звездами, и нигде я не мог получить ответ, в какую сторону мне идти. Изрядно устав, я сел на мешок с чужими обношенными вещами на обочине автодороги. В мешке уже не было ни хлеба, ни консервов. Трешка разлетелась на вокзале в столице Бурятии, но как память о ней в кармане была только что начатая пачка «Астры» и еще одна, неоткрытая, лежала в другом кармане. Голод пока не бесился, и я готов был так сидеть до утра.

Остановившийся рядом армейский уазик, плотно упакованный офицерами и прапорщиками, все же вместил меня и доставил на КПП закрытого городка Улан-Удэ-40, я вспомнил вдруг ключевое слово, сказанное одним из военных. «Ставка». На КПП мою часть идентифицировали как инженерный батальон, и минут через тридцать за мной приехал опять-таки «131-ЗИЛ», видимо, самый распространенный «легковой» армейский автомобиль того времени.

Ефрейтор, водитель машины, презрительно посмотрев на меня, сразу зло обозвал «чуханом» и привычно посоветовал «вешаться». Пыль свободы сразу сдуло с меня, я вновь ощутил себя в большой беде. Прапорщик, севший с пассажирской стороны, добавил мне жизненных сил, спросив, «откуда и за какие грехи, меня такого зачуханенного, к ним занесло». Из его язвительной речи я понял, что попал на границу дисбата...

Вешаться мне не хотелось. Хотелось курить, а еще хотелось назад в Кяхту. Лучше к себе на полигон. А если нет, то хоть к этому не русскому сержанту, трешку отдал бы с первых денег. Все семь бы отдал. Четырнадцать...

– А эт че за мешок с г...? – презрительно спросил прапорщик. – Я у тебя такое в коптерку не приму. Сидеть будешь, солдат.

«Ни сидеть, ни вешаться, я не буду. Случится не дай бог со мной беда, сидеть и вешаться будете вы», – зубы сжались от ненависти ко всему военному, но тело и голова наполнились необычным животным страхом. «Где МАМАЕВ!» – кружилось вместе с моей головой.

– А Николай Кадырович Мамаев, подполковник, он у Вас

служит? – вылепил из меня животный страх.

– Нет, не у нас. А ты кто ему будешь?

– Племянник...

Глава 5. ПРИЕМ

Самое худшее, что могло случиться в этот день – случилось. Батальон построился на плацу на вечернюю поверку. Немногочисленный строй блестел сапогами, сиял бляхами и подчеркивался ослепительной белизной подшитых воротничков. Солдатский строй похотливо загудел, когда для рапорта о прибытии в часть появилось невиданное чмо в ржавых протертых до дыр сапогах, желтом многолетнем х/б с черно-зеленым не подшитым воротником и с засаленным вещмешком с притороченной, пробритой до дыр и прожженной утюгом шинелью.

– Товарищ майор, разрешите обратиться, – у командира батальона отвалилась массивная челюсть, – рядовой Белоцерковец прибыл для дальнейшего продолжения службы.

– Иди в штаб, – челюсть комбата брезгливо закрылась.

«Слава Богу, что не в строй», – подумал тогда я, и быстро сквозанул в двери дощатого штаба, чувствуя своей спиной безумный интерес ко мне со стороны всего, выстроенного на поверку, местного воинского контингента.

Майор Деменчук показался мне каким-то обремененным службой офицером, с недовольным лицом. Сразу я подумал, что поводом для недовольства являюсь, собственно, я, но со временем я убедился в том, что служба не приносила комбату никакого удовлетворения.

Без особого интереса командир выслушал мой рассказ о том, как у меня украли все вещи. От волнения перед неизбежным появлением в казарме, я сразу же начал интересоваться, как мне немедленно встать на партийный учет. Я всем телом чувствовал, что перед страхом не существует ни этики, ни комплексов. Я готов был остаться жить в штабе или на улице, только бы не идти в казарму.

– А Мамаев Николай Кадырович тебе кто? – вдруг спросил Деменчук. Прапорщик уже доложил полученную в результате короткого общения информацию.

– Дядя.

– В смысле, дядя?

– Муж сестры моей матери, – неожиданно коротко сформулировал я.

– Галина Елисеевна твоя родная тетя? – то ли спросил, то ли подытожил Деменчук.

– Так точно. Разрешите узнать, как ему можно сообщить о моем прибытии? – мне вдруг показалось, что, узнав обо мне, дядя Коля меня как-нибудь спасет.

– Никак. Он в отпуске. К нашей части он не имеет никакого отношения. И еще солдат. Если ты не хочешь настроиться против себя пацанов, то забудь про то, что у тебя есть дядя, – недовольным голосом сказал майор, – В казарму, шагом, марш!

– А на партийный учет? – нелепая, глупая надежда, на черт знает что!

– Завтра с замполитом разберетесь. Старший лейтенант Обухан. Подойдешь к нему.

Я поплелся в казарму. Легкие бурятские летние сумерки видели всю мою обреченность и страх. Убогая щитовая, непонятно-розовая казарма тянулась от плаца перпендикулярно штабу. Желтый свет ее окон угрожал мне самой страшной ночью моей службы. Хотелось развернуться и убежать, спрятаться. Но известие о том, что в части появился рядовой-коммунист, дошла по проводам быстрее меня.

– Стой солдат! – окликнули меня у крыльца дымящие сигаретой солдаты.

– Здраваться не учили?

Я впервые видел таких опрятных и ухоженных бойцов. Они были в белоснежном нательном белье, с острыми стрелками солдатских штанов и тапочках.

– Откуда такой зачуханный?

– Из Кяхты, у меня одежду всю украли, – проямлил я и поздоровался.

– Родом откуда?

– Из Красноярска.

– Иди в роту, там ваших бьют, – сказал мне чубатый боец, сверкнув рондолевой фиксой.

В пахнувшей гуталином казарме стоял галдеж. Несколько солдат ползали с мокрыми тряпками по полу. В центральном проходе большая группа бойцов, сжавшись кольцом, монотонно наносила удары по державшим оборону нерусским солдатам. Три армянина и пять азербайджанцев были приговорены казарменным судом к телесным наказаниям за «тупорылость». Им вменялся отказ от подчинения воле старослужащих. На лексиконе это звучало

неприятно и непривычно: «не шарить и не шуршишь».

Я свернул направо в туалет и хотел укрыться там под видом большой нужды.

– Эй, ты, чухан! Иди ср...ть в кусты, я тебе гадить не дам! Сгниешь сегодня у меня на очках! – наехал на меня визглявый голос.

– Ладно, пусть по...ет, он с дороги, – защитило меня пепельного цвета лицо, – не ссы, ср... спокойно. Не трогайте его!

Визглявый голос показал мне кулак.

– Только попробуй, – прошипел он.

– Я сказал, ср...! Не трогай его! – пепельного цвета лицо, вытолкнуло визглявый голос из туалета.

Мне уже ничего не хотелось.

– Пальва! Дежурный идет! – прокричал дневальный на тумбочке.

В казарме поднялся переполох и, тут же все стихло. Несколько солдат быстро забежали в туалет, побросали тряпки и молнией выскочили обратно.

– Сми-рно! – прокричал дневальный.

– Сколько раз повторять? Команда «Смирно» после отбоя не подается, – сказал голос, – почему свет еще горит? Почему еще не легли? Новенький где?

– В туалете, товарищ капитан.

– Пусть в Ленинскую комнату зайдет, – шаги последовали по центральному проходу, – А это что за кровь?

– У Никагосяна кровь из носа пошла. Щас уберем, товарищ капитан.

– Сама пошла или помогли?

– Сама пошла, товарищ капитан.

– Никагосян? У тебя все в порядке?

– Он по-русски не понимает, товарищ капитан.

В ленинской комнате я познакомился с заместителем командира роты, капитаном Кравченко. Короткий разговор не имел особого значения и лишь оттянул десять минут времени от неизбежного общения с моими новыми сослуживцами. Мне показали мою кровать. Места в казарме было предостаточно, и кровати стояли непривычно в один ярус. Мне все это напоминало пионерский лагерь, к счастью других лагерей я не видел, хотя именно те лагеря это все и напоминало.

В единственной роте, из которой и состоял Отдельный инженерный батальон, верховодил рядовой, недавно вернувшийся

в часть после дисбата. Два года дисциплинарного батальона и год службы до этого предоставляли комбату возможность уволить военнослужащего срочной службы в любой момент. Но майор Деменчук медлил. Как я понял потом, вся шаткая дисциплина в части держалась исключительно на криминальном авторитете переслужившего. Иерархия младшего командного состава требовалась только для порядка.

Ночью я был подозван в компанию старослужащих, среди которых был и Он сам. Вопросы задавали все кроме Него. Разрешили покурить вместе со всеми присутствующими.

– Так, значит, стучать не будешь? – в конце спросил Он. – Ну и молодец. Иди спать.

Я уснул сразу. «День прошел, и служба пройдет», – засыпая думал я...

Прозвучала команда «Подъем» и я досадой почувствовал, что все это происходит со мной наяву. Хотелось заснуть и не просыпаться. Одевались не очень быстро. Никаких зажженных спичек и секундомеров. Я отключился, стоя. Тяжелый пинок под зад вернул меня в сознание и, схватив пилотку и ремень, я одним из последних выбежал из казармы.

Начинался новый день.

Глава 6. СТРОЙКА

Казарменная жизнь давила и держала в постоянном напряжении. Несмотря на то, что теневое солдатское руководство постановило не трогать пока коммуниста, то, что происходило вокруг, не могло оставить равнодушным.

Ранее я жил в совсем другой стране. Та страна строила коммунизм и, несмотря на постоянное препятствие со стороны Америки, врага номер один, мы собирали какой-то вклад в Красноярский миллиард, мы учились, мы радовались. Слава Богу, что до любви я к тому времени еще не дорос. Конечно же, как и в каждом молодом человеке, любовь к будущей женщине жила во мне, но она не была конкретной и поэтому оставалась светлой мечтой. Мое пуританское воспитание не позволяло мне понять и принять женскую любовь. Я считал, что секс, это уступка женщины ради уважения к мужчине и главное мужское желание. Женщину, готовую уступить мне ради уважения, я к тому времени

еще не встречал.

Моя совсем другая страна осталась, где-то далеко и в прошлом. Мне казалось, что извращенные армейские отношения связаны с моим далеким нахождением от европейской части страны, что все это происходит под густым туманом неведенья офицеров и высокого командования. Очень скоро я понял, что все маразмы и жестокость негласно поощряются ради поддержания порядка в частях. Письма от друзей, служащих ближе к Западу, доказывали, что разницы в отдаленности от Москвы не существует.

Моя, совсем другая страна, осталась в моем невинном детстве. Невинном ли? Не знаю...

Гарантированная неприкосновенность сделала свое дело – солдат заблатовал. Я наотрез отказывался от всех недостойных предложений, типа подшить воротничок, погладить, постирать или упасть мыть туалетные очки. Распределили меня на стройку. Рота строила боксы для инженерной техники на территории будущего дивизионного парка в сосновом лесу, километрах в пяти от расположения части. Было два вида работ – кирпичная кладка и приготовление бетона. Стройотрядовские навыки кладчика я скрыл. Кто-то из солдат постарше сказал мне:

– Скажи, что ты кирпичник, служба пролетит незаметно. Никаких нарядов – только стройка.

Я же думал о другой службе. Я в стройбат не записывался. Но через неделю приготовления бетона, я заорал: «Ну, кто так криво кладет!?» и полез с мастерком на стену, воспользовавшись тем, что кладчик ушел в санчасть с животом.

Свое превосходство в кладке я продемонстрировал в течении часа. Завел угол и выровнял «как кот посс...л» фрагмент основной стены.

– Коммуна дуру врубал, что не строитель, – улыбались солдаты.

Ответственный за стройку прапорщик определил меня в кладчики, до возвращения заболевшего бойца. Заниматься кладкой мне понравилось. Кирпич, почему то белый, силикатный – подносят, раствор подают – остается только прилепить и выставить. Моя сторона стены стала расти по-стахановски нескромно.

Однажды во время перекура старослужащие позвали меня на стопку плит перекрытия. Стопка была высотой около полутора метров и с нее очень хорошо просматривалась дорога, по которой приезжал проверяющий.

– Курить будешь? – спросил меня вечно загорающий дед, прикуривая странным образом изготовленную папиросу.

Кисловатый аромат конопли в малой концентрации чем-то напоминал махорку.

– А что будет-то? – тупанул я.

– Ржача, – улыбнулся боец, – на, зобни.

Я пытался затянуться и со всех сторон посыпались поправки. Воздух надо было протягивать не через папиросу, а вокруг. Легкие наполнились едким дымом, я затаил дыхание и старался не раскашляться.

– Во! Вот так и поддержи мальчика, – посоветовали солдаты и папироса пошла по кругу.

– Пальва! – раздался крик со стены, – старослужащих сдуло с плит. Они отбирали лопаты у молодых и вонзали их в бетонную массу. Появился замкомроты.

Я, полулежа, сидел на плитах и боялся слезть. Мне казалось, что стопка плит гораздо выше крыши строящегося бокса, и какой-то непонятный страх прижимал меня лечь. Голова не кружилась, но неприятное и непонятное чувство не позволяло мне тронуться с места. Я чувствовал себя хамелеоном, высунувшим язык и принявшим серый цвет плиты. Меня не должно было быть видно.

Но Колесников подошел именно ко мне.

– А ты что не работаешь?

– Я покурил, – честно сказал я.

– Ну, покурил и марш на стену. Ты почему скрывал, что ты каменщик?

– Я не скрывал, товарищ капитан, я не каменщик, я фрезеровщик, – сморозил я, – Красноярский Завод-ВТУЗ, филиал Красноярского политехнического института, третий курс. Специальность «Проектирование и производство летательных аппаратов».

Меня явно несло. Страх прошел, хотелось хохотать.

– Это самолетов что ли?

– Никак нет! Ракет. СС-20 подводного базирования. Мадэ ин Красмаш завод, – меня явно плющило.

Офицер так и не поняв причины моего поведения, ушел не сказав больше ни слова.

– Ты что там, не спалился? – деды обступили меня со всех сторон.

– Не знаю, вроде нет. Я слезть боялся, – конопля уже отпустила меня. Я сел на край верхней плиты. Закурил овальную «Астру».

Внутри меня творилось что-то крайне неприятное. Первый наркотический опыт, к счастью, оказался отрицательным и неприемлемым. Навсегда.

– На испуг прибило, – констатировали бойцы и разошлись, оставив меня до вечера на плитах, со своими разобщенными мыслями.

Глава 7. БОЙНЯ

– Короче! – серый кемеровский вертухай-опричник, по поручению старших, настраивал нас на боевой лад. – Сейчас налетаете и хе...чите азеров. Поняли?

Слабенькие, славянской внешности тела, без энтузиазма и боевого духа слушали деревенского взбитыша – вполне себе реального альтернативного командира.

– Короче! Каждого из вас, кто не будет бить уродов, буду бить я! И долго! И больно! Поняли?

Его земляк, долговязый солдат Стельмак, часто и жестоко битый на первом полугодии службы, нервно стоял рядом и кипел злостью. В группе славян, готовящихся к бою, я чувствовал себя белой вороной.

– Я не буду азеров бить. И армян не буду бить, – твердо сказал я.

– Чо??!! Да ты офигел!, – Взбитыш занес надо мной кулак.

– Э, э, хорош!, – Стельмак остановил своего товарища, – Коммуна, иди нах отсюда!

Я вышел. Я чуть было не получил, но я устоял на своем, я даже выкнул! Но чувство отложенного наказания не покидало меня. Было как-то стремно. Может, надо было смешаться с толпой и лупить тупорылых? Выполнять решение старших?

Я вышел на крыльцо покурить, но не успел. Покурившие до меня бойцы, загнали меня в казарму.

– Там ваши сейчас биться будут.

Самыми непокорными в части были азербайджанцы и армяне. Их было мало, но они выдерживали многочисленные побои и жесткий постоянный прессинг по поводу их непокорности. Я не могу понять, почему было так важно добиться от них привычного состояния «шарящего духа». Они не отказывались мыть полы вместе с нами, того же призыва. Они отказывались и наотрез – по-человечески унижаться. Причем, те из нас, славянской

внешности, кто выполнял все поручения, но при этом не позволял себя унижать, мы все получали так же физические наказания, но нас не опускали до уровня тех, кто соглашался становиться ниже. Парни, позволившие издеваться над собой больше принятого, моментально становились чмырями.

Причем именно отношение к самому себе и отношение к старшим, а для некоторых они – старшие – были младше по возрасту, играло немаловажную роль. Как и в обычной уголовной колонии, на первом месте стояли – покорность, чистота и порядок. Если человек преклонялся перед авторитетом или силой, при этом соблюдал собственную чистоту и не допускал над собой унижений, не достойных мужчины, пусть даже ценой боли – он оставался человеком. Всегда.

Тело казармы превратилось в ринг. Неумелые действия славянских бойцов усиливались подлыми подключениями старожилов. Тупорылые истекали кровью, но, сгрудившись в центре, истошно орали и при возможности отбрасывали от себя атакующих. Смотреть на это я не мог и опять отправился к выходу.

– Э? Ты куда? Стучать что ли пошел?

– Иди ты в зад! Я покурить...

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВЕСТИ АНДРЕЯ БЕЛОЦЕРКОВЦА
ЧИТАЙТЕ В ОСЕННЕМ НОМЕРЕ
ЖУРНАЛА «ОГНИ НАД БИЕЙ» – №41

